

© 2013 г. С.О. ШИДЛОВСКИЙ

ИЗ ПРОЕКТОВ И.С. АКСАКОВА ПО СОЦИОКУЛЬТУРНОМУ ОБУСТРОЙСТВУ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

На примере публицистических выступлений 1860–1886 гг. И.С. Аксакова анализируются его взгляды на этнокультурные и общественно-политические процессы в Белоруссии. Рассматривается проблематика русско-белорусско-польских политических и культурных взаимодействий.

Scrutinising Ivan Aksakov's political essays written in 1860–1886, the article presents his views on the contemporary ethnic and social-political processes in Byelorussia as well the problem of the Russian-Byelorussian-Polish political and cultural interactions.

Ключевые слова: Белоруссия, Польша, Российская империя, Иван Аксаков.

В перечне злободневных общественно-политических проблем российской действительности первой половины XIX в. «белорусский вопрос» отсутствует. Лишь накануне польского восстания 1863 г. в российской прессе развернулась дискуссия, которая повысила статус белорусской проблематики. Именно тогда она впервые была обозначена публично как актуальная для российского общества, а содержание терминов «белорус», «белорусский» превратилось в поле идеологической борьбы русских и польских авторов. И с польской, и с русской стороны стали наблюдаться попытки говорить от имени белорусского народа или выступать в качестве публичных адвокатов белорусских народных интересов. В освещении белорусской социально-политической ситуации получило свое развитие идеологическое противостояние западников и славянофилов.

Русский публицист И.С. Аксаков на протяжении 1860–1886 гг. регулярно обращался к белорусским темам на страницах периодических изданий «День», «Москва», «Москвич» и «Русь». Он одним из первых попытался сформулировать легитимные с великорусской национальной точки зрения «способы быть белорусом». Публицистическое наследие И.С. Аксакова в последние годы привлекало внимание исследователей национальной политики в Российской империи [1–4], но его вклад в формирование российского общественного мнения по поводу «белорусского вопроса» до сих пор специально не изучался.

В одной из публикаций 1862 г., полемизируя с неким Белорусом, корреспондентом газеты «День», Аксаков поставил под сомнение уместность псевдонима своего оппонента. Быть выходцем из Северо-Западного края – недостаточно, чтобы говорить от имени белорусов. Данную миссию на себя может взять, по мнению публициста, только тот человек, который солидарен с интересами православного

Шидловский Сергей Олегович – канд. ист. наук, доцент Полоцкого государственного университета.

крестьянства [5. С. 14]. В 60-е годы XIX в. термин «белорусы» Аксаков относил лишь к православному крестьянству и местному православному духовенству Северо-Западного края. Только в 1880-е годы он начал распространять данный термин также и на местных крестьян-католиков, что во многом было обусловлено появлением движения за русификацию римско-католической службы на белорусских землях, которое возглавил каноник Ф.Е. Сенчиковский [5. С. 636].

Белоруссия вместе с Украиной в понимании Аксакова – «древний, исконно русский край, колыбель и основа Русского государства» [5. С. 649]. Белорусы – часть «триединого русского народа», более близкие к великорусам по языку и быту, чем украинцы [5. С. 132]. Аксаков охотно обращался к патриархальным образам: «Белорусов мы считаем своими братьями, по крови и по духу, и думаем, что русские всех наименований должны составлять одну общую сплошную семью [...] которой члены, как и в человеческой семье, нисколько не теряют своей личности и своей особенности» [5. С. 16]. Под Белоруссией публицист понимал территорию Могилевской, Витебской, Минской, Виленской и Гродненской губерний, которые вместе с Ковенской губернией составляют понятие «Северо-Западный край». Их населяют белорусы, литовцы и поляки, православные и католики, крестьянство и шляхта [5. С. 131].

Белорусы, по выражению Аксакова, – это «русский народ, занимающий самую низшую степень общественной лестницы» в Северо-Западном крае [5. С. 621]. Он перечислил расхожие стереотипы о белорусах: белорусский народ неромантичен, в нем нет рыцарского начала, он не может завоевать симпатий европейцев [5. С. 129]; народ груб, невежествен и погряз в материальных интересах; белорусы «забиты, дики, робки и напуганы» благодаря, в том числе, и российскому чиновничеству [5. С. 239]. Однако, подчеркивал Аксаков, существенно другое: простые белорусы сумели сохранить верность православной вере и тем самым – возможность национального возрождения.

Излюбленный образ Аксакова – Белоруссия как часть общерусского «тела». Развивая данную метафору, публицист называл полонизацию и окатоличивание «польской болезнью», которой страдает одна из частей общероссийского «тела» – Белоруссия, а значит, страдает и вся Россия [5. С. 133]. Белоруссия в его понимании – это нездоровая Русь. Социокультурные особенности белорусского общества рассматривались Аксаковым как следствие нежелательной мутации («растления») славянского духа [5. С. 478]. Причем «болезнь Северо-Западного края» у него не только метафора духовных мук. Публицист нашел в облике белорусов также черты физического вырождения: «эти бледные, бескровные лица, этот странный альбинизм и в лице и в одежде [...] этот народ много выстрадал на своем веку» [5. С. 522]. Общество Северо-Западного края – «разнородное, разьединенное между собою враждою политическою, национальною, социальною и религиозною [...] большинство коренного туземного племени было [...] поработчено» [5. С. 529].

Шляхетству Северо-Западного края, по утверждению Аксакова, свойственна идея сословного превосходства, когда все лучшие проявления человеческого духа объявляются качествами лишь «рыцарства», а крестьянству изначально приписывается все самое отвратительное. В отношении последних допускается применение телесных и нравственных пыток, за крестьянином не признают право на личное достоинство [5. С. 129]. Шляхетство воспринимает себя и поступает в отношении белорусского крестьянства как внешняя иностранная сила. Шляхте чужды крестьянские чаяния, она полностью изолировалась от народной среды, защищаясь сословными привилегиями и предрассудками [5. С. 39]. Белорусскую этнокультурную ситуацию усугубляет и то обстоятельство, что белорусы наряду с высшим классом утратили также национальное торговое и ремесленное мещанство [5. С. 35]. Публицист подчеркивал, что большинство шляхетского сословия

имеет «туземные» корни – белорусские, украинские, литовские. Однако политически шляхта принадлежит польской нации, и не существенно, насильственный характер имело «ополячивание» или добровольный. Качественным признаком принадлежности к польской нации, по мнению Аксакова, является не этническое происхождение, даже не польский язык, а исповедание католицизма. Таким образом, белорусский привилегированный класс утратил связь с местной этнической почвой. «Коренной народный тип» в Северо-Западном крае сохранило лишь «простонародье», в чем И.С. Аксаков усматривает аналогию с чешской этнокультурной ситуацией [5. С. 41].

По мнению публициста, у России нет конфликта с польским народом, он существует лишь с одним сословием – шляхтой. Проблема усугубляется тем, что группа, которая традиционно именуется «польской шляхтой», является частью российского привилегированного класса. По сути, конфликт с «польской шляхтой» – внутригражданский, это разногласие одной части российского чиновничества с другой его частью. В данном конфликте наибольшую опасность представляют не столько собственно сепаратисты, сколько петербургская чиновничья среда – «имперцы», «русляндцы», которые служат не национальному государству, а сословной дворянской империи. Иными словами, конфликт разворачивается между носителями двух принципов – России как космополитической петровской империи и России национальной, православной [5. С. 402].

И.С. Аксаков подчеркивал отличия государственного патриотизма от национального чувства и приводил в качестве примера «русляндцев» российских генералов 1812 г., которые были патриотами империи, но французский язык знали лучше, чем русский [5. С. 446]. Государственный патриотизм может мобилизовать общество в моменты внешней военной угрозы, как это случилось в 1812 г., однако его недостаточно, чтобы выстоять нравственно в бытовом противостоянии с чуждым национальным духом [5. С. 107]. Поэтому чиновник в Северо-Западном крае должен управлять не от имени империи, а от имени русского народа; быть не столько исполнительным, сколько национально пристрастным. Однако Аксаков выразил сомнение в том, что российское общество сможет отыскать достаточное количество подобных «чиновников-миссионеров» [5. С. 479].

Публицист не выступал против польского культурного присутствия в Северо-Западном крае, но подчеркивал, что абсолютно неприемлемы проекты государственного восстановления Польши в границах 1772 г. с включением территорий Белоруссии, Украины и Литвы [5. С. 43]. Польские политические круги претендуют на Северо-Западный край на том основании, что местное привилегированное общество сочувствует польской культуре, а «Мицкевичи, Костюшки, литвины или белорусы происхождением, составляют славу и гордость Польши» [5. С. 41]. Однако, по мнению Аксакова, белорусы, украинцы и литовцы имеют собственную отличную от польской культуру и обладают правом свободно выбирать свою историческую судьбу. Польша претендует на Белоруссию также по «государственному праву», однако, возражал публицист, Речь Посполитая, проявив историческую несостоятельность, прекратила свое существование как государство [5. С. 137].

Аксаков был убежден, что без поддержки России народы северо-западных губерний не смогут противостоять польским притязаниям на единоличное политическое и экономическое господство [5. С. 35]. Однако он придерживался невысокого мнения о способности русского общества к активным действиям. Существенной проблемой оставалась нехватка информации о Белоруссии. Русская интеллигенция, по убеждению публициста, деморализована перед лицом европейского общественного мнения, которое традиционно благожелательно расположено к польскому политическому движению [5. С. 48]. Русская аристократия солидаризируется, как правило, с интересами крупных польских землевладельцев, превентивно подозревая непривилегированные круги белорусского общества

в «карбонаризме». Великорусское дворянское общество, за исключением единиц, отказывается жертвовать на развитие белорусских православных братств, а административные органы затягивают вопрос с открытием подобных обществ [5. С. 248]. Таким образом, русскому правлению в Белоруссии угрожала не столько возможность польского мятежа, сколько готовность определенных политических кругов России добровольно отдать край Польше. Эта возможность виделась публицисту реальной из-за слабости исторического сознания в российском обществе и отсутствия влиятельного слоя православной белорусской интеллигенции [5. С. 138].

По мнению Аксакова, непривилегированные белорусские сословия нуждаются в более широких духовных и гражданских свободах [5. С. 13]. Предоставление им таких прав со стороны российского правительства имеет прагматическую основу, так как крестьянство является единственной опорой российского управления на землях бывшей Речи Посполитой. Публицист утверждал, что у русской администрации и белорусского крестьянства одинаковый источник проблем – шляхетство [5. С. 538]. Освобождение крестьянства от крепостной зависимости создало только базовые предпосылки для укрепления в среде белорусов русской идентичности. Если крестьянство будет справедливо наделено землей и политическими правами, оно сделается естественным союзником русского правительства [5. С. 206]. Вопрос освобождения крестьянства в Белоруссии не социальный, а национальный, так как целый народ освобождается от экономического и политического гнета другого народа [5. С. 220]. Аксаков апеллировал и к нравственному чувству – «российская общественность в моральном долгу перед «забытым бедным белорусским племенем» [5. С. 151–152]. Он считал, что российское общество ответственно за последствия политики первой четверти XIX в., когда царское правительство содействовало полонизации края и угнетению крестьянства, идя в фарватере европейского общественного мнения [5. С. 76]. До восстания 1863 г. российская общественность удовлетворялась сведениями о Белоруссии из польских источников и видела ситуацию в крае польскими глазами. За годы правления Павла I и Александра I белорусские земли подверглись ополячиванию в беспрецедентных масштабах, невиданных, по убеждению И.С. Аксакова, и в годы существования Речи Посполитой.

На новый уровень осмысления социально-политической ситуации в Белоруссии российская публицистика вышла в годы, непосредственно последовавшие после восстания 1863 г. Польский мятеж, по мнению И.С. Аксакова, актуализировал русскую национальную тематику и приблизил для российского общественного сознания исторические события 1612 и 1634 гг. [5. С. 173]. В некотором смысле вооруженное восстание шляхты упростило задачи российского правительства в решении национальных и социальных проблем Северо-Западного края [5. С. 196]. Белорусское крестьянство во время восстания 1863 г. в большинстве встало на сторону правительства. На этом основании Россия получила моральное превосходство в противостоянии со шляхетскими мятежниками [5. С. 43].

Аксаков считал, что восстание 1863 г. на землях Белоруссии приняло характер гражданской войны, противоборствующими сторонами которой являлись шляхта и крестьянство. Публицист усматривал одну из главных причин шляхетского мятежа в крестьянской реформе 1861 г. [5. С. 536]. В стремлении получить независимость для Польши повстанцы посягнули на социальную и национальную свободу белорусов, украинцев и литовцев [5. С. 289–290]. Белорусское крестьянство едва ли не впервые в своей истории дало отпор шляхте, что стало неожиданностью и для русской, и для польской интеллигенции [5. С. 160]. И.С. Аксаков был убежден, что необходимо поддержать национальный подъем белорусов, так как это отвечает государственным интересам: «Крестьянство в Западных губерниях, кажется, лишает отныне поляков всякой надежды на обладание этим краем» [5. С. 79].

Он предостерегал правительство от «инстинктивного желания вернуть народные массы к былому подчиненному состоянию». В интересах России не усмирение бунта белорусского крестьянства против шляхты, а организация этого движения [5. С. 80].

Восстание 1863 г. способствовало выработке новой правительственной стратегии и изменению российского общественного мнения. Указ от 1 марта 1863 г. предусматривал, что крестьяне Северо-Западных губерний будут освобождены от барщины и оброков, правительство выкупит у помещиков весь крестьянский надел, сумма выкупа будет определяться поверочными комиссиями. На местах, по сведениям И.С. Аксакова, были выявлены массовые случаи фальсификации помещиками уставных грамот, в которых завышались сведения о размере крестьянских наделов и качестве почвы. Однако реализация данного указа затягивалась и уже через год после подавления польского восстания использовались полицейские меры для взысканий оброка и чинша с белорусского крестьянства в пользу бывших повстанцев [5. С. 317–321].

Задачи в Северо-Западном крае, которые стоят перед русским народом, – не покорение края, а восстановление в нем русских национальных начал, некогда, по мнению И.С. Аксакова, ему присущих [5. С. 366]. Публицист считал, что русская цивилизация не ориентирована на агрессивное поглощение других народов [5. С. 662]. Вместо вредных попыток ассимилировать поляков необходимо сосредоточиться на экономической, правовой и культурной эмансипации белорусского крестьянства, упрочив его связь с русским народом [5. С. 445]. И.С. Аксаков считал неверным использовать термин «белорусский вопрос» и тем выделять белорусские проблемы из общерусских [5. С. 233].

В отношении Белоруссии, по мнению публициста, правительству следует проводить «не столько обрусение, сколько располячение этого искони русского края» [5. С. 633]. Он аргументировал необходимость проведения подобной политики последствиями «пятивекового польского гнета» [5. С. 499]. «Располячение» не должно привести к культурным потерям для белорусского общества, как это произошло, по мнению И.С. Аксакова, в случае с униатским белорусским духовенством при переходе его в православие, а, наоборот, способствовать интенсификации интеллектуальной жизни [5. С. 502–503]. Он не отождествлял любовь к «малой родине» и «народному наречию» белорусов с сепаратизмом. Он считал важным учитывать исходные этнографические и природно-исторические особенности Белоруссии, которые, по его мнению, не имеют ничего общего с польским влиянием, а свидетельствует о «русском происхождении» белорусской народной культуры.

Аксаков призывал российское правительство более активно открывать в Белоруссии народные школы. Он предполагал, что белорусский крестьянин лучше владеет польским языком, чем русским [5. С. 154]. В поддержке белорусского «наречия» Аксаков видел возможность усиления национального самосознания белорусов в противовес польской культуре. Он считал, что преподавание в начальной школе на белорусском языке с использованием кириллического шрифта подготовило бы в крае переход к образованию на русском языке [5. С. 113–114]. Аксаков указывал, что польские политики уже уяснили выгоды обращения к народу на его родном языке и активно это практикуют – например, на белорусском языке в латинской графике выходит газета К.В. Калиновского «Мужицкая правда» [5. С. 114].

Публицист высказывался за возможность открытия университета в Полоцке, Витебске или Минске, но категорически был против возобновления работы университета в Вильно [5. С. 268], так как там предпочтительней деятельность православной духовной академии для детей белорусского духовенства и крестьянства [5. С. 505].

Аксаков видел неустрашимую для развития российского общества угрозу в польском политическом радикализме. По его мнению, чем больше шляхта будет интегрирована в российскую социальную жизнь, тем больший вред она способна принести России [5. С. 144]. Публицист призывал отказаться от идеи ассимиляции поляков, которую, по его мнению, практически невозможно реализовать, так как оба народа стоят на высоком уровне культурного развития и исповедуют слишком разные ценности, лучше отделить от империи польские этнические земли [5. С. 264]. Однако эту идею можно будет реализовать только тогда, когда оба народа выработают принципы мирного совместного проживания: Россия научится уважать самобытность польского общества, а последнее признает такие же права за православным крестьянством Северо-Западного края [5. С. 71]. По убеждению Аксакова, акты террора, которые практикуют польские повстанцы на территории Северо-Западного края, обращены в первую очередь к общественному мнению стран Западной Европы [5. С. 86]. Между тем решение русско-польских противоречий должно происходить в режиме диалога польского и русского обществ без вмешательства западноевропейских правительств [5. С. 83]. Польско-русское противостояние имеет цивилизационный характер. В польском обществе преобладает шляхетско-аристократическое начало, в русском – культ народа. В Польше западноевропейские державы видят борца против панславизма и российского государства, оказывая ей политическую поддержку. Россия же может найти опору лишь в среде угнетенных славянских народов и собственного крестьянства. От исхода польско-русского противостояния, утверждал публицист, будет зависеть возможность дальнейшего развития славянских культур.

По мнению И.С. Аксакова, этот конфликт нельзя разрешить военным путем, победа лежит в моральной плоскости [5. С. 125]. России в Северо-Западном крае противостоит не государство, армия либо организация, а «система идей и чувств» – польское национальное самосознание [5. С. 233]. Польскому национальному духу можно противопоставить только напряженную интеллектуальную работу, которая в русском обществе систематически не ведется. В отношении Белоруссии такая работа означает исследование края, создание новых народных школ и православных братств, обсуждение местных проблем в российском обществе, возвращение доверия у белорусского населения к российским органам власти, делегирование российской молодежи – «толковых, образованных, честных», с пониманием политического характера своей задачи – для работы в белорусских административных учреждениях [5. С. 236]. Однако, как писал Аксаков, «вместо забот о белорусских крестьянах, вы встретите у нашей молодежи гораздо более заботы о французских швеях и о работниках в Англии» [5. С. 246].

Публицист считал преждевременным вопрос учреждения на территории Белоруссии судов присяжных и земств, так как опасался, что в этом случае демократическими благами сумеет воспользоваться не крестьянство, а шляхта [5. С. 520–521]. И.С. Аксаков ставил вопрос о замене польского чиновничества в крае выходцами из великорусских губерний. Особенно важным он считал это мероприятие для низовых должностей, – тех, которые формируют у белорусского народа образ российского государства. Однако, вслед за М.О. Кояловичем, И.С. Аксаков видел потенциальную опасность проникновения в край во время массовой ротации чиновников не самых порядочных людей [5. С. 112]. Невозможно сформировать национальную интеллигенцию из чиновников, приехавших извне. Самой благоприятной средой для формирования местной интеллигенции он считал православное крестьянство и духовенство края [5. С. 98–99]. Однако бюрократизм, который был присущ деятельности русской православной церкви, тормозил и этот процесс [5. С. 42].

Принципиальным пунктом русско-польского противостояния в Северо-Западном крае, по мнению И.С. Аксакова, являлся земельный вопрос. Владения поляков

в Белоруссии не дают им права претендовать на данную территорию политически. И.С. Аксаков предлагал отнести поместья ополяченного дворянства к иностранному землевладению. Иностранцы могут владеть отечественными землями, но при условии сохранения лояльности местным законам. Владения нелояльных помещиков публицист предлагал выкупать в казну или в собственность русскими землевладельцами [5. С. 91–92].

И.С. Аксаков полагал, что положение белорусского крестьянства мало изменилось по сравнению со временами Речи Посполитой. Польское управление сменилось российским, однако шляхта сохранила и даже укрепила свою власть над белорусским крестьянином. Должности, связанные с непосредственным контактом чиновников с крестьянством (мировые посредники, чиновники волостных палат государственного имущества, становые приставы, исправники, писари, секретари), занимали представители шляхты. В результате белорусское крестьянство теряло доверие к российской администрации [5. С. 176]. Ситуацию попытался изменить виленский генерал-губернатор (1863–1865) граф М.Н. Муравьев. Его система административно-политических мероприятий вела, как считал публицист, к ослаблению экономического и политического значения польских землевладельцев в крае с одновременным улучшением положения белорусского крестьянства. М.Н. Муравьев «созидал новую Белоруссию» [5. С. 659]. Но его политика вызвала жесткую реакцию со стороны аристократических кругов Санкт-Петербурга, сочувствовавших крупным польским землевладельцам. Систему М.Н. Муравьева, по словам И.С. Аксакова, преподнесли как разжигание социальной вражды, террор против аристократии. Губернатор был смещен с должности, социально-политические преобразования 1863 г. фактически сошли на нет [5. С. 405–407].

Восстание 1863 г. повысило интерес в русском обществе к Белоруссии. Знакомство русского общества с историей и культурой белорусов И.С. Аксаков сравнивал с открытием Нового Света – Россия неожиданно обнаружила и увлеклась экзотикой православной Белоруссии. Колумбом данного «открытия» И.С. Аксаков считал историка М.О. Кояловича, который в 60-х годах XIX в. активно публиковался на страницах московской газеты «День» [5. С. 566]. И.С. Аксаков указывал на возросший уровень научных исследований в Северо-Западном крае [5. С. 137]. Однако принципиально ситуация не изменилась, «русские гимназисты проходят историю европейских стран, однако в их программу изучения не входит история Северо-Западного края» [5. С. 150]. Публицист призывал научную молодежь посвящать себя изучению Белоруссии [5. С. 111].

Статьи И.С. Аксакова, посвященные проблемам Северо-Западного края, в период правления виленского генерал-губернатора А.Л. Потапова (1868–1874) и его преемников носили в целом критический характер. Публицист констатировал, что на смену национальному подъему и острому интересу к белорусской теме времен русско-польского вооруженного противостояния пришла общественная апатия. Действия российской администрации утратили динамизм, напоминая более пассивную самооборону. Интерес российского государства к белорусским губерниям зачастую обуславливался лишь военно-стратегическими соображениями.

И.С. Аксаков затронул и тему реформирования территориально-административного деления Северо-Западного края. Он считал ошибочным лишение Полоцка губернского статуса при Александре I. Вместо Витебска центром губернии публицист предлагал снова сделать Полоцк или Великие Луки, или присоединить Полоцк и Дриссу к Псковской губернии, а к Витебской – Бабиновичи и Сенно, часть Борисовского уезда, и Дисну [5. С. 270]. Цель реформы – лишить территорию Северо-Западного края целостности, стереть из памяти границу раздела Речи Посполитой, которая сохранялась в абрисах белорусских губерний, делая их собственно Северо-Западным краем [5. С. 434–435]. Как альтернативу админист-

ративной реформе Витебской губернии И.С. Аксаков рассматривал возвращение архиерейской православной кафедры из Витебска в Полоцк [5. С. 270].

Таким образом, белорусская тема в публицистике И.С. Аксакова 60–80-х годов XIX в. развивалась в контексте общего анализа русско-польских отношений. Публицист связывал наиболее острые социально-экономические и этнокультурные проблемы края исключительно с польским экономическим и культурным присутствием. Его позиция определялась задачей построения «большой русской нации». Белорусская проблематика представлялась автору обязательным компонентом общерусской идеи. Подобная позиция косвенно способствовала формированию белорусского национально-культурного движения, а также стимулировала широкий общественный и научный интерес к Белоруссии в российском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) М., 1999.
2. *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
3. *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
4. *Staliūnas D.* Termino «rusinimas» prasmės istorija (XIX a. 7-asis dešimtmetis) // *Lituanistica*. 2006. № 3.
5. *Аксаков И.С.* Сочинения И.С. Аксакова. М., 1886. Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886.